

THE ARTISTIC WORLD OF SVETLANA VOLODINA'S LEGENDS

The paper deals with the legends written by Svetlana Volodina, Russian writer and poet. The work represents a classification of the writer's legends, explores the artistic world and genre specificity. The paper also analyzes the system of characters.

Keywords: Svetlana Volodina; genre; artistic world; legend; Cherdyn.

УДК 811.161.1+812.161.1

ОБРАЗ ТРАМВАЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

У.В. Сажина (гимназия № 47)

О.А. Перевалова,

кандидат филологических наук, доцент (СУНЦ УрФУ)

В статье рассматривается образ трамвая в стихотворениях русских поэтов XX века и принципы построения его типологии. На материале стихотворений Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Еременко, Д. Кедрина, Б. Рыжего показано видоизменение значений образа-символа трамвая, функционирование «трамвайного мифа» в русской культуре, предпринята попытка раскрыть «трамвайный сюжет» русской поэзии. Выявлена актуальность образа трамвая в русской поэзии рубежа XX–XXI веков как неотъемлемой части городского поэтического текста.

Ключевые слова: лирика; образ-символ; городской текст; сквозной сюжет; трамвайный миф; Н.С. Гумилев; О.Э. Мандельштам; Б.Б. Рыжий.

В современной культуре образ трамвая, с одной стороны, растиражирован, а с другой – элитарен. Для жителей больших городов трамвай является привычным, обыденным средством передвижения. Однако с момента своего появления и до наших дней трамвай – это, несомненно, знак культуры, образ-символ с разветвленной системой значений.

В русской поэзии начала XX века образ трамвая узнаваем и популярен. Прежде всего, это символ новшества, знак техногенной эпохи: «... жизнь шумела, все та же, нарядная, // Авто и трамваи летели вдаль» (В.Я. Брюсов, «Офелия», 1911) [Брюсов 1987: 265]. Во-вторых, трамвай становится неотъемлемой частью городского пространства: «Не радуется ни утро, ни трамвая // Звенящий бег» (М.И. Цветаева, «Не думаю, не жалею, не спорю», 1914) [Цветаева 1994: 214]. Конечно, трамвай в масштабах истории мировой словесности – явление очень молодое и, что важно, почти сразу же после своего появления и распространения активно вошедшее в художественную культуру, в литературу в том числе и в поэзию в частности. Но в XXI веке на смену трамваю приходят новые виды транспорта, а во многих городах трамвайные пути разбираются. Трамвай теряет свою востребованность и актуальность в качестве городского транспорта и, казалось бы, как образ, заключающий в себе символическое значение, должен исчезнуть из поэзии и литературы

вообще, потеряв свою значимость. Однако наблюдаемая отрицательная, с точки зрения трамвая, динамика городского движения и развития транспортных сетей не влияет на интерес отечественных поэтов и литературоведов к данному образу в последние десятилетия.

Так, «сквозной сюжет» трамвая в русской поэзии выделяет И.З. Сурат, отмечающая, что трамвай в русской поэзии больше, чем трамвай, это образ с символическим звучанием, переходящий от одного поэта к другому (например, от Гумилева через Мандельштама к Еременко) [Сурат 2009: 300]. А екатеринбургская исследовательница Т.А. Арсенова, анализирующая образ трамвая в творчестве Б. Рыжего, предпринимает попытку обозначить специфику трамвайного мотива русской поэзии, который включает в себя следующую систему значений [Арсенова 2011: 167]:

1. Знак городского пространства (реальность).
2. Проводник во времени и пространстве (символ).
3. Свидетель жизни (факт).
4. Способ преодоления времени (миф).
5. Разрушение, гибель, смерть (способы реализации).

Так или иначе, данная система значений, по мнению Т.А. Арсеновой, реализуется в стихотворениях русских поэтов, причем порой неосознанно. В каждом конкретном случае может быть проявлена лишь одна грань образа, также в стихотворении может отчетливо читаться совокупность отдельных значений. О том же свидетельствует и Р.Д. Тименчик, в статье которого «К символике трамвая в русской поэзии» идет речь об «анимизации образа трамвая (сонного, разбуженного, усталого) в поэзии начала XX века», связанной «с переносом традиции мифологизации», присущей «историческому предшественнику трамвая – конно-железнодорожной дороге, или конке» [Тименчик 1987: 135]. Следовательно, трамвай является устойчивым знаком «городского текста», обладающим мифологическим и символическим значением.

Ю.М. Лотман подчеркивает ведущую роль города в культурно-историческом пространстве, поскольку он связывает прошлое с настоящим, «представляет собой котел текстов и кодов» [Лотман 2000: 453], принадлежащих разным языкам и разным уровням. «Город, как и культура, механизм, противостоящий времени, – пишет Ю.М. Лотман, – потому что он заново рождает свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно» [Лотман 2000: 453]¹. А В.Н. Топоров, анализируя «петербургский текст», выделяет

¹ Город воспринимается как «изначальный носитель определенной культурной информации, представляющий собой особую знаковую систему» [Деткова 2009: 65], «сложный семиотический механизм, генератор культуры» [Сайко 2004: 38].

признаки города, среди которых важные для нашего исследования направленность, связанная с «изоморфностью городского пространства», то «просторного», то «тесного» [Топоров 1995: 283], и символичность: «синтетический свертхтекст» превращается в «сферу символического» [Топоров 1995: 275] благодаря «особому словарю», задающему «семантическое пространство» [Топоров 1995: 280], не лишенное «миражности» и «фантастичности» [Топоров 1995: 282]. Если применять терминологию ученых к нашему исследованию, то можно говорить об органичной вписываемости в городской текст трамвая сначала как факта реальности, а затем как образа реальности. Трамвай, по мнению П. Золиной, «в своем зарождении в литературном пространстве был практически неотделим от экзистенциальных концептов смерти и времени» [Золина 2013: 48], что позволило ему довольно быстро войти в мифологический пласт культуры русского города и способствовало появлению широкого семантического поля образа. Почти полуторавековая история существования трамвая в России сделала его неотъемлемой частью жизни практически любого горожанина и «укоренила» в поэтике так называемого «городского текста».

Основные тенденции трамвайной поэзии закладываются в первой трети XX века Н.С. Гумилевым и О.Э. Мандельштамом. Н.С. Гумилев открывает сквозной сюжет трамвая в стихотворении «Заблудившийся трамвай» (1919):

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний гай
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай [Гумилев 1989: 352–353].

Лирический герой вскакивает на подножку, и трамвай несет его через миры, оказываясь «самостоятельным фатальным образом с глубоко эсхатологическими приметами» [Золина 2013: 42]. Движение трамвая сопровождает «симфония» различных резких тяжелых звуков: здесь и «вороний гай», и «звоны лютни», и «дальние громы». Сливаясь воедино, они создают пугающий шум, будто предупреждая лирического героя об опасности. Трамвай, заблудившийся «в бездне времен», напоминает саму смерть: без остановок и станций, вне времени и пространства он мчится «бурей темной, крылатой». Лирический герой напуган и всеми силами пытается остановить трамвай, чтобы завершить поездку, отдает приказ вагонновожатому. Но трамвай уже нельзя остановить, он блуждает не только во времени, но и в пространстве, о чем свидетельствует перечисление значимых для поэта рек в третьей и четвертой строках четвертой строфы (Нева, Нил, Сена). На смену топосам приходят созданные с помощью гротеска образы «мертвых голов», напоминающих по своему виду и размеру капусту и брюкву, а также палача «в красной

рубашке, с лицом как вымя». Р.Д. Тименчик толкует эти строки так: «Навязчивая идея обезглавливания изначально связалась с трамвайной темой. Мотив казни присутствует в самых ранних литературных отражениях новооткрытой петербургской трамвайной линии...» [Тименчик 1987: 139]. Очевидно и то, что сцена с палачом, кровью и отрезанными головами является ярко выраженным знаком смерти, неизбежной, жестокой и безжалостной.

Продолжая путешествие, трамвай подвозит лирического героя к новой остановке: «Дом в три окна и серый газон...» [Гумилев 1989: 353]. Далее из бытового и привычного взору пространства – «дощатый забор», «дом в три окна» – трамвай резко переносится в иное измерение, противоположное земному, – «зоологический сад планет», нечто непостижимое, недостижимое для человека. Шум, страх, душевное волнение сменяет «ветер знакомый и сладкий». Лирический герой возвращается в родную сферу, дарующую ему легкость, наслаждение и спокойствие. Больше не требуется просить вагоновожатого остановить движение трамвая. Путешествие по земному шару и другим галактикам дарит лирическому герою возможность саморефлексии. В ходе этого путешествия лирический герой теряет самого себя, Россию-Машеньку, жизнь... В этом стихотворении трамвай – полноценный «герой». Поэт создает своего рода «трамвайный миф». Трамвай становится предупредительным знаком, предвестником гибели, несет опасность и смерть.

Продолжением «трамвайного мифа» Н.С. Гумилева является стихотворение О.Э. Мандельштама «Нет, не спрятаться мне от великой стены...» (1931), лирический герой которого, ухватившись за поручень в вагоне трамвая, целенаправленно и неизбежно едет в смерть: «Мы с тобою поедим на А и на Б // Посмотреть, кто скорее умрет» [Мандельштам 2002: 223]. О.Э. Мандельштам не случайно указывает маршрут: «Трамваи “А” и “Б” ходили по Бульварному и Садовому кольцам», – пишет И.З. Сурат [Сурат 2009: 296]. Биографический контекст углубляет смысл стихотворения: «Я трамвайная вишенка страшной поры // И не знаю, зачем я живу...» [Мандельштам 2002: 223] – страх и предощущение ареста и скорой гибели О.Э. Мандельштама, отражение бесед с Н.С. Гумилевым в начале 20-х годов и сознательное ориентирование на его «Заблудившийся трамвай», «отголоски разговоров о совместном самоубийстве, предлагавшемся Надеждой Яковлевной» [Сурат 2009: 297]: «Ты как хочешь, а я не рискну!» [Мандельштам 2002: 223]. Таким образом, поездка в трамвае превращается в вечный, замкнутый круг, из которого нельзя выбраться.

Спустя полвека Александр Еременко в стихотворении «Ночная прогулка» продолжает историю Мандельштама:

Мы поедem с тобою на А и на Б
 мимо цирка и речки, завернутой в медь,
 где на Трубной, вернее сказать, на Трубе,
 кто упал, кто пропал, кто остался сидеть [Еременко 1999: 130].

Здесь те же пространственные координаты, но, как и в стихотворении Н.С. Гумилева, данные с помощью конкретных названий, уточняющих деталей: «Россия», «Известия», «бегущая строка», «пограничный музей», «Герцен», «Гоголь», «Грановского, 2», «Огарева, ...шесть». Пространство опредмечено, текст построен как диалог с понимающим читателем, но и как продолжение диалога с поэтами-предшественниками. Детская считалочка: «кто упал, кто пропал, кто остался сидеть» – нисколько не разряжает напряженную обстановку, напротив – углубляет «жестокость» хронотопа. Как заметила И.З. Сурат, «Еременко мастерски множит и уплотняет подтексты, его феноменальная интуиция высвечивает скрытую в стихах Мандельштама тему революционного насилия...» [Сурат 2009: 298].

Трамвай вновь проводник во времени. Лирический герой Еременко совершает исторический экскурс в прошлое, видя в нем отражение настоящего. Поэт наделяет образ трамвая способностью перемещения во времени и пространстве, сознательно опираясь на произведения Н.С. Гумилева и О.Э. Мандельштама. Трамвайный миф создан.

Иной образ возникает в стихотворении Д. Кедрин «Остановка у Арбата» (1939). Хронотоп событий, о которых вспоминает лирический герой, автор обозначает с первых строк: «Я стоял у поворота // Рельс, бегущих от Арбата» [Кедрин 1989: 89]. Из-за угла поворачивает тот самый трамвай. Трамвай – время, юность, воспоминания. Трамвай, оставивший след в памяти и душе лирического героя. Наслаивая одно воспоминание на другое, перемешивая героев стихотворения, Д. Кедрин указывает на бесконечность воспоминаний, связанную с периодизацией жизни: пока «кто-то» невзначай глядит на нас из окна трамвая, наша память продолжает жить.

У уральского трамвая тоже есть свое лицо. Мифологию трамвая как знака городского пространства развивает Б. Рыжий в стихотворениях «Свернул трамвай на улицу Титова...» и «Если в прошлое, лучше трамваем...». Лирический герой, находясь в вагоне трамвая, совершает путешествие не только по свердловскому Вторчермету (географическое пространство у Б. Рыжего всегда предельно локализовано), он едет в прошлое:

Свернул трамвай на улицу Титова,
 Разбрызгивая по небу сирень.
 И облака – и я с тобою снова –
 Летят над головою, добрый день! [Рыжий 2014: 507]

Через 5 или 6 остановок
Въедем в 80-ые годы... [Рыжий 2014: 496]

Трамвай переносит героя в мир юности, в минувшее время, сознательно романтизированное в духе места: кастеты, татуировки, сигареты...

Кондуктор, на руке татуировка
не «твой навеки», а «бесменно Ваш».
С окурком «Примы» я на первом плане,
хотя меня давно в помине нет.
Мне восемнадцать лет, в моем кармане
отвертка, зажигалка и кастет [Рыжий 2014: 507].

Но трамвай у Рыжего отнюдь не только знак времени и пространства. Трамвай увозит лирического героя из области будущего (или настоящего) в своеобразный топос замершего, куда можно вернуться лишь «убитым солдатом»; по «...по улице вечной печали // в дом родимый, сливаясь с закатом, // одиночеством...» [Рыжий 2014: 496]. Возникает мотив смерти, потустороннего. Образ трамвая содержит те же коннотации, что и у Гумилева с Мандельштамом.

Как видим, образ трамвая в поэзии XX века претерпевает значительные изменения, становясь мифопоэтическим символом: от знака городского пространства в поэзии В.Я. Брюсова до метафизических трамваев Б.Б. Рыжего. Конечно, полностью очертить трамвайный сюжет русской лирики в рамках данной статьи не представляется возможным, но с определенной долей условности можно утверждать, что он включает в себя восемь взаимосвязанных значений образа-символа трамвая:

- 1) символ эпохи (нового времени);
- 2) символ жизни;
- 3) спасение от тоски (связано с символикой жизни);
- 4) символ городского пространства (связан с символикой новшества);
- 5) проводник в иные миры;
- 6) аллегория человека (развитие символа жизни);
- 7) символ смерти (антитеза к символу жизни);
- 8) воспоминание о юности (развитие символики перемещения в иные миры).

При этом, вопреки расхожему мнению, образ трамвая на рубеже XX–XXI веков не исчезает из поэзии, а наоборот, становится неотъемлемой частью городского поэтического текста, олицетворяет непреходящие жизненные ценности, указывает на стремление лирических героев «вернуться в прошлое», к самому себе – настоящему.

Арсенова Т.А. Трамвайный мотив в лирике Бориса Рыжего // Литература в контексте современности : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 12–13 мая 2011 г.). – Челябинск, 2011. – С. 165–171.

Брюсов В.Я. Соч. : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. – М. : Художественная литература, 1987. – 575 с.

Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. – М. : Современник, 1989. – 461 с.

Деткова Н.Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского госуниверситета. – 2009. – № 18 (156). – С. 63–69.

Еременко А.В. Горизонтальная страна: Стихотворения. – СПб. : Пушкинский фонд, 1999. – 138 с.

Золина П. Трамвай как метафора новых времен в контексте русской литературы начала XX века // Nova Rusistika. Вып. VI. – 2013. – № 2. – С. 42–48.

Кедрин Д. И минуло время. – М. : Молодая гвардия, 1989. – 190 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

Мандельштам О. Избранное. – М. : Эксмо Пресс, 2002. – 384 с.

Рыжий Б.Б. В кварталах дальних и печальных: Избранная лирика. Роттердамский дневник. – М. : Искусство-XXI век, 2014. – 576 с.

Сайко Е.А. Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века // Сайко Е.А. Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. – М., 2004. – С. 34–46.

Сурат И.З. Мандельштам и Пушкин. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – 384 с.

Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Тарту, 1987. – С. 135–143.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М. : Прогресс, Культура, 1995. – С. 368–399.

Цветаева М.И. Соч. : в 7 т. Т. 1 : Стихотворения. – М. : Эллис Лак, 1994. – 641 с.

THE IMAGE OF TRAM IN THE RUSSIAN POETRY OF THE XXTH CENTURY

The paper deals with the image of tram in some poems of Russian poets of the XXth century. Principles of creating this image's typology are suggested. Poems by N. Gumilyov, O. Mandelshtam, A. Yeryomenko, D. Kedrin, B. Ryzhiy are considered. It is shown that values of tram's sybological image change and the functioning of "tram myth" in Russian culture is analyzed, as well as "tram plot" of Russian poetry. The urgency of tram image in the Russian poetry of the turn of XX–XXI centuries as an integral part of the urban poetic text is revealed.

Key words: lyrics; sybological image; urban text; cross-cutting plot; tram myth; N.S. Gumilyov; O.E. Mandelshtam; B.B. Ryzhiy.